

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Дизайн обложки *Н. Никоновой*

Под редакцией *О. Рубис*

Редактор серии *А. Антонова*

Полякова, Татьяна Викторовна.

П54 Жестокий мир мужчин / Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Авантюрный детектив).

ISBN 978-5-04-111741-2

Красавица Анастасия не может поверить в то, что ее муж — убийца. Сердце любящей женщины подсказывает ей, что кто-то другой совершил жестокое преступление, искусно подставив Илью. На свой страх и риск Анастасия пытается восстановить события той роковой ночи. К ее ужасу все, с кем она встречается, трагически погибают при весьма странных обстоятельствах. Но ничто не в силах заставить ее прекратить поиски правды. Она даже не подозревает, сколь жестокой и мучительной окажется истина...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полякова Т.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111741-2

Звонок поднял меня в час ночи. Я села в постели, провела по лицу ладонями, включила ночник и уставилась на телефон. Тяжело вздохнула, уже зная: звонивший весьма настойчив и не угомонится до тех пор, пока я не сниму трубку.

Я отбросила одеяло, сунула ноги в тапочки, прошла до окна и обратно, косясь на телефон, он звонил с равными интервалами и явно не собирался заткнуться.

«Отключить бы его к чертовой матери», — подумала я и пошла в кухню искать сигареты.

Потом долго шарила по столу в поисках спичек, закурила, глядя в окно и слушая, как надрывается телефон.

— Настырный, сукин сын, — усмехнулась я.

Звонки уже по-настоящему действовали на нервы. Телефон на ночь следует отключать, этот тип всегда звонит ночью. Или под утро... Отключить, конечно, можно, но где гарантия, что он оставит меня в покое и не станет, к примеру, звонить в дверь, а может, придумает еще что-нибудь затейливое, чтобы сделать мое существование невыносимым. Телефон, по крайней мере, привычнее.

Я вернулась в комнату, еще раз вздохнула и сняла трубку.

— Я тебя не разбудил? — поинтересовался мужской голос.

Отвечать я не собиралась. Я просто слушаю этого идиота и никогда не произношу ни слова.

— Извини, если позвонил не вовремя. — В его голосе прозвучала откровенная издевка.

Я стала рассматривать фотографию на стене, это позволяет отвлечься и не обращать внимания на его слова. Впрочем, особенно разговорчивым он не был, вот и сегодня хохотнул и заявил с лютой ненавистью, неизменно меня удивлявшей:

— Тебе осталось две недели. Слышишь, сука?

Я закрыла глаза, потерла переносицу, ожидая, что он скажет еще.

— Две недели, — повторил он и повесил трубку.

Я прикурила новую сигарету и устала в пол, зябко ежась, с тоской думая о том, что уснуть уже не смогу, а это означало еще одну жуткую ночь и беспросветное одиночество.

— Сукин ты сын! — бросила я в сердцах, глядя на телефон, по-настоящему не испытывая к своему мучителю никакой ненависти. Нет, я рада, что хоть кто-то в этом городе еще ждет его и считает дни. Затушила сигарету, подошла к стене и коснулась пальцами лица на фотографии. — Я люблю тебя, — проронила жалобно. Господи, кому это интересно... — Я люблю тебя, — повторила уже тише и, конечно, заревела. А что я еще могу?

Сползла на пол, вытянула ноги и сжала ладонями виски. Последнее время это повторялось из ночи в ночь — сидение в углу, раскачивание из

стороны в сторону и безуспешные попытки найти ответ: что же произошло тогда, пять лет назад? И сегодня, проделав все это, я завела привычную песню — глядя на фотографию, спросила жалобно:

— Как ты мог поверить, что я тебя предала?

Лицо с фотографии насмешливо улыбалось. Ладно, через две недели я получу ответ. Этот тип, кто бы он ни был, прав: осталось две недели.

Звонки начались год назад, второго июня. Уже несколько лет второе июня было самым страшным днем в моей жизни, и ничего хорошего я от этого дня не ожидала, и вдруг поздний звонок. Тогда впервые я услышала голос моего ночного мучителя.

— Через год он вернется, — с усмешкой напомнили мне тогда. — Тебе остался год, сука. Слышишь?

Потом он стал звонить каждое второе число, отсчитывая месяцы, потом звонки стали чаще: он считал недели.

Я тоже их считала: годы, месяцы, недели и дни. Их было так много, одинаково серых, тоскливых, без проблеска надежды.

— Ты не должен был верить... — в пустоту проронила я. Не должен? Кому, чему? О господи!..

Я прошла в кухню, достала коньяк из шкафчика, торопливо налила чуть меньше половины стакана, залпом выпила, постояла, плясая в темноту за окном.

— Мне бы только прожить эти две недели. Две недели — это сущая ерунда, ей-богу. Четырнадцать дней и ночей. Всего-то...

Я вцепилась руками в подоконник и завывала, стиснув зубы и зажмурившись.

В первое время такое пугало, я всерьез боялась, что схожу с ума. Теперь стало привычным. Пальцы разжались, я судорожно вздохнула и открыла глаза.

— Две недели — это ерунда, — повторила сама себе с ухмылкой.

Телефон опять зазвонил. Я вздрогнула, постояла, прислушиваясь. Может, он изменил правила игры? Может... почему бы нет? Пройшла в комнату и сняла трубку:

— Я слушаю.

— У тебя свет горит, — сказал Сашка. — Что, опять?

— Опять, — ответила я.

— Придушить бы этого сукина сына...

— У Ильи что, так много друзей?

— Хорош друг...

— Он его ждет, — вздохнула я. — Значит, друг. Ты многих знаешь, тех, кто ждет его?

— Успокойся, — попросил Сашка. — Я тебя прошу... Все будет хорошо. Через две недели он вернется, и все будет просто здорово. Я тебе клянусь...

— Конечно, — глотая слезы, согласилась я. — Конечно... все будет просто отлично, — швырнула трубку, схватила подушку и уткнулась в нее лицом.

Ключ в замке повернулся, дверь хлопнула, слышались торопливые шаги. Я приподняла голову и увидела Сашку. Он вошел, посмотрел на меня укоризненно и отправился в кухню. Мне было слышно, как хлопает он дверцами шкафчиков,

потом он швырнул стакан в мойку и вернулся в комнату. Ночник освещал его снизу, придавая лицу что-то сумрачное, даже трагическое.

— Так... — Он собрался высказаться резко и даже зло, вместо этого вздохнул, сел рядом и взял мою руку. Осторожно поцеловал и прижал к своей щеке. — Бессонница и коньяк, — усмехнулся невесело. — Опять одно и то же.

Я высвободила руку и стала смотреть в потолок, предметы в тусклом свете ночника отбрасывали причудливые тени, и я порадовалась, что Сашка рядом со мной.

— Коньяк, это что — норма жизни? — недовольно проворчал он.

— Хочешь сказать — много пью? — хмыкнула я.

— Нет. Ты не пьешь. Ты себя в гроб вгоняешь. Ты не спишь ночами, пьешь, куришь до отупения и пялишься в потолок.

— Странно, да? — спросила я насмешливо. — На моем месте другая женщина веселилась бы до упаду. И спала бы по ночам сладко, точно младенец.

— Самое страшное позади, — помолчав, сказал он. — Осталось две недели. Две недели ты можешь выдержать? Без коньяка и ночных истерик?

— А что изменится через две недели? — жалобно спросила я, а Сашка пожал плечами.

— Он вернется.

— И что? — Я стиснула рот рукой, боясь, что опять разревусь.

Сашка долго смотрел на меня, очень долго, за это время я немного успокоилась, прикрыла ладо-

нюю глаза от света и стала смотреть в никуда, а потом попросила:

— Ладно... Прости меня. У тебя своих забот полно. Я веду себя как последняя дура. Прости.

— Какие у меня заботы? — хмыкнул он, вытянулся рядом, обнял за плечи и стал гладить мои волосы.

— Помнишь, я болела корью... — неожиданно спросила я. — В каком классе?

— В детском саду. В подготовительной группе. А что?

— Ничего. Просто подумала... Как давно это было...

Тогда я вроде бы шла на поправку, и мама выписалась на работу. Сашка жаловался на головную боль, и родители на всякий случай оставили его дома. Мы играли в разбойников, прыгали с шифоньера на диван, разучивали на пианино «собачий вальс» и вообще веселились от души. К обеду у меня вдруг поднялась температура, я задыхалась и тряслась в ознобе. Сашка позвонил маме, а потом сидел рядом со мной, вцепился в мою руку обеими руками и смотрел испуганно.

«Сашка, я ведь не умру?» — перепугалась я так, что начала заикаться, а он затряс головой и сказал:

«Нет. Чего ты? — А потом добавил: — Я тебя люблю. Очень».

«И я тебя», — ответила я, и это было сушей правдой.

Я всегда его любила, больше, чем родителей, больше, чем бабушку, больше всех... до некоторого времени. А в Сашкиных глазах, когда он смот-

рел на меня, с тех пор где-то в самой глубине зрачка таился страх. Я прижалась к нему и сказала:

— Я люблю тебя...

— Все будет хорошо, — повторил он и поцеловал мои волосы. — Вот увидишь. Он вернется, и все будет хорошо.

— Он ни разу не написал мне, — всхлипнула я. — Он не хотел меня видеть. Он считает, что я во всем виновата. И это правда.

— Что правда? — вздохнул Сашка.

— Все. Если бы не я...

— Вот что... — Он поднялся. — Давай-ка выпьем. Коньяк еще остался. И поговорим.

Сашка сходил на кухню, вернулся с двумя рюмками и бутылкой, поставил их на тумбочку, неторопливо разлил коньяк.

— Давай... за нас.

Я выпила и опять легла, закинула руки за голову и уставилась в потолок.

— Ведь он не убивал... — сказала я скорее себе, чем Саше.

— Конечно, нет, — кивнул он.

— Но его посадили...

— Менты имели на него большой зуб, и вдруг так подфартило... Грех было не воспользоваться...

— А я... я только все испортила... — чувствуя, что опять скатываюсь в истерику, прошептала я.

— Ты хотела его вытащить. Только за него взяли всерьез и серьезные люди. Тебя допрашивали двенадцать часов почти непрерывно. Кто смог бы выдержать такое?

— Я... я должна была выдержать.

— Чепуха. Ни ты, ни я, ни он сам... Улики на-

лицо, менты довольны. Это ж было не расследование, а рождественский подарок. Оружие, из которого только что стреляли, в его машине, и сам он в сотне метров от дома, где совершено преступление, в этой самой машине задержан через десять минут после убийства. Твои показания ничего бы не изменили.

— Но ведь он не убивал?

— Нет. Мне он врать бы не стал. Да и на кой черт ему убивать этого придурка?

— Все решили по-другому...

— Забудь. Это не имеет значения.

— Он тоже так решил, — упрямо сказала я. — Он меня бросил. Скажи, за что?

— Не начинай все сначала, — нахмурился Сашка. — Ты все знаешь не хуже меня. Его подставили, да так ловко, что у него не было шансов выкрутиться. Ни одного шанса. Он не был бы самим собой, если бы сразу сдался, но и он не верил, что выкрутится. Слишком многим хотелось, чтобы он сел.

— Он бросил меня, — зарываясь лицом в подушку, напомнила я. — Он считает, что я его предала...

— Чушь собачья. Он не бросил, а сел в тюрьму. И он не хотел тебя связывать на долгие годы. Не такой он человек. Согласен, у него не очень хороший характер, но винить тебя он бы никогда не стал.

— А может, ему просто наплевать...

— Вот что, — вздохнул Сашка. — Давай-ка спать. Если не возражаешь, я останусь у тебя.

— Хорошо, постелю тебе на диване. — Я под-

нялась, а Сашка ушел в ванную. — Как твои дела? — догадалась спросить я, когда он уже лег.

— Мои дела? Нормально. Как же еще?

— Где ты был?

— Когда? — не понял он.

— Я хочу сказать, откуда ты ко мне приехал?

— А-а... Так, посидели в одном месте... перекинулись в картышки. Отправился домой, вижу, у тебя свет горит, вот я и позвонил...

— Его ждут? — без всякой связи спросила я.

— Кто? — вроде бы удивился Сашка.

— Не знаю... Кто-то... Например, те люди, которым очень хотелось, чтобы он оказался в тюрьме... Это опасно, да?

Сашка лежал, глядя в потолок, потом повернулся ко мне и заговорил очень серьезно:

— Послушай меня, пожалуйста. Когда он сел, нам здорово досталось: тебе, мне, всем, кто был с ним. Тигр в клетке, шакалы воют... Не мне тебе рассказывать, что было. Время прошло, и ничего не вернуть: он отсидел за убийство, которое не совершал. И он возвращается.

— Просто возвращается? — уточнила я.

— Да. Именно так. Он не хочет мстить, если ты об этом. И не собирается искать тех, кто его подставил. Он просто хочет жить. Это понятно?

— Конечно, — усмехнулась я. — Если бы речь шла о ком-то другом.

— Ты можешь относиться к этому как угодно, но все обстоит именно так.

— Выходит, он здорово изменился, — усмехнулась я.

— Не он один. Мы все изменились. А ему досталось больше всех.

Я посмотрела на фотографию на стене, не выдержала и заревела, кусая пальцы.

— За что? Скажи, за что он так поступил со мной?

— Тихо, тихо, тихо, — шептал Сашка, оказавшись рядом. — Не начинай все сначала. Все будет отлично, верь мне. Он вернется, мы сядем втроем, как раньше, и обсудим наши дела.

— Не в этом дело, — немного успокоившись, сказала я. — Он меня не любит. Просто не любит. И это самое страшное.

— Я прошу, потерпи еще две недели, идет?

— Я потерплю, — кивнула я. — Только для меня ничего не изменится через две недели. Я не нужна ему, и он считает меня виноватой.

— Послушай. — Сашка сжал мои плечи и заговорил торопливо, точно боялся, что не успеет все сказать: — Ты знаешь, как я люблю тебя, а он всегда был мне лучшим другом. Самым лучшим. С тех пор как умерли родители, у меня остались только вы... Я точно знаю: все будет хорошо. Просто надо еще немного потерпеть. Ты поняла?

Я положила голову ему на колени и зажмурилась. Мне очень хотелось верить... только верил ли сам Сашка в то, что обещал мне?

Я проснулась от шума воды в ванной, взглянула на часы. 7.30. Приподнялась на локте и позвала:

— Саша.

Он выглянул из-за двери, улыбнулся и сказал:

— Еще рано. Спи, — и вновь исчез в ванной, а я встала, накинула халат и вышла в кухню. Быстро приготовила завтрак.

Сашка появился минут через пятнадцать, устроился за столом и стал есть, весело на меня поглядывая, веселье он слегка переигрывал, в глубине зрачков притаилось беспокойство.

— Вкусно, — похвалил он. — Зря так рано встала... Перехватил бы что-нибудь по дороге.

— Мне нравится тебя кормить, — пожала я плечами. — Еще мне нравится просыпаться по утрам и знать, что ты рядом... Жаль, что мы не можем жить вместе, как раньше.

— Жаль, — согласился он. — Женщина не должна жить одна. — И добавил с поразившей меня уверенностью: — Это скоро кончится.

Сашка взглянул на часы, торопливо допил вторую чашку кофе и пошел к двери.

— Заеду вечером, — кивнул он на прощание.

— Не надо, — покачала я головой, он остановился, а я пояснила: — Спасибо, но мне не нужна нянька. Я справлюсь, честно.

— А как насчет коньяка? — усмехнулся он.

— Бутылку допили вчера.

— А ночной псих?

— Ну его к черту! — Я хмыкнула, развела руками и добавила: — Мне кажется, он неплохой парень. По крайней мере, мы точно из одной команды.

Сашка закатил глаза, покрутил головой и сказал:

— Ноги бы ему выдернуть. Вместе с языком, — махнул рукой и ушел, а я стала смотреть в окно.

Вот он выходит из подъезда, поднял голову, посмотрел на меня и улыбнулся. Я кивнула в ответ, дождалась, когда он сядет в машину, а потом